

1924-25 (сентябрь)

Иванов Игорь (актер)

Игорь ИВАНОВ:

«Раскапываю сам себя»

Встреча с таким актером, как Игорь Иванов, для журналиста – событие. Даже если для нее нет никакого информационного повода. Но на этот раз поводов – хоть отбавляй. В 2004-м – году своего 50-летия – за роль Серебрякова в чеховском «Дяде Ване» артист получил премию К.С.Станиславского, а за несколько дней до нашей встречи – звание народного артиста России.

Игорь Иванов не так популярен «в массах», потому что не мелькает в бандитских сериалах и пустых комедиях, но истинному театру его имя известно давно. Малый Драматический славится своим сильным мужским составом. Игорь Иванов – из тех, на ком строится репертуар и здание театра-дома. Он настоящий мастер и заставляет взглянуть на своих героев, известных по классическим произведениям еще со школьной скамьи, под каким-то новым углом зрения. Так случилось с его профессором Серебряковым. Также неожиданно капитан Эдгар в «Пляске смерти» Стриндберга – спектакле, спродюсированном самим Ивановым. Его герои поразительно не похожи один на другого. Иногда даже возникает мистическое ощущение, что их играют разные люди...

– Игорь Юрьевич, первый вопрос – о самом актуальном. Вы недавно получили звание народного артиста России, до этого были награждены премией Станиславского, а в Питере была еще премия имени Стрельчикова. Важны ли для вас как актера эти регалии?

– Нет. От этого ведь ничего не меняется. Другое дело – приятно, когда к тебе с интересом относятся твои коллеги, признают твой «способ жизни» в театре. Истовый, как они сами сказали... Сравним с тем, как жил сам Владислав Игнатьевич Стрельчик. Есть дорога, и радостно, что ее кто-то одобряет. Хотя я достаточно сложно отношусь к любого рода похвалам и ругани. Даже если все хвалят, у меня свой счет к тому, что делается и к себе. И это для меня важнее всего. Но я не так давно стал понимать, что делаю в театре. Пожалуй, года четыре назад...

– То есть, через двадцать лет работы?

– Да. Стал понимать что-то... даже не про театр, а про какую-то дорогу, про «освоение себя» в профессии.

– Часто приходится слышать, что актерство – не очень мужская профессия, что в мужчинах-артистах много женственного. Вы производите впечатление человека твердого, с мощным мужским началом. Это не противоречит необходимости подчиняться?

– Нет. Умение подчиняться – одна из граней профессии. Но при этом нужно оставаться самим собой.

– А в ролях вы тоже всегда остаетесь самим собой? Даже если абсолютно перевоплощаетесь?

– Я же все равно черпаю своего персонажа из себя. Если не хватает, то что-то добираешь со стороны. Но все равно это, прежде всего, ты сам. И это позволяет узнавать какие-то потайные стороны, уголки самого себя. Актер все равно остается самим собой. Но бывают исключения...

– Какие, например?

– Среди моих персонажей – это Лебядкин в «Бесах». У него какое-то... смещенное сознание. Он иногда не предсказуем. Порой неизвестно, куда его понесет.

– Вы – всегда разный. Причем, можете быть и героем, и ярко характерным персонажем. Определяли ли вы для себя свое амплуа?

– Понятие амплуа, конечно, существует. Но не думаю, что это правильно – определять для кого-то его амплуа. Потому что человек богат самыми разными чертами. А прилепишь к нему ярлык, и в результате мы имеем на экране людей, мелькающих в совершенно одинаковых ролях. Амплуа для меня – это срамное понятие.

– Давайте все же разберемся. Есть, например, хороший актер Сергей Курышев – ваш коллега, – которого трудно представить в роли Лебядкина. А вас – в роли Пети Трофимова...

– Это, скорее, совокупность каких-то психофизических данных актера, которые соответствуют тому или иному персонажу. Кроме того, многое зависит от видения режиссера. Мы ведь тоже, читая книжку, по-разному видим ее героев. Так же и режиссер.

– Бывает ли, что мнение Льва Абрамовича Додина по поводу ваших ролей не совпадает с вашим видением?

– Бывает... Это для театра нормально. Потому что существует определенная расстановка сил, и никуда от этого не денешься. В другой ситуации, в другой компании я бы мог, наверное, сыграть то, что я хочу. А в нашем театре я играю то, что должен играть по мнению Льва Абрамовича. Иногда по этому поводу бывают... проблемы. Вот, например, я сначала отказался от роли Серебрякова в «Дяде Ване», за которую получил потом премию Станиславско-

го. Мне неинтересно было играть страдающего старика. После определенных событий в жизни театра я вернулся к этой роли, но все равно оставил за собой право понимать этот образ по-своему.

– Да простят меня ваши замечательные коллеги, но иногда приходилось слышать по поводу некоторых спектаклей, что вот, дескать, спектакль – ничего особенного, а Иванов – это да! Наверное, такие слова не очень приятно выслушивать?

– Да, это обидно. Особенно, когда ты очень вкладываешься в какую-то роль, и она становится программной для тебя. Не то, что я ее как-то уж очень хорошо играю, просто она попадает на ту тему, которая меня всерьез волнует. И когда эта тема не всегда эквивалентно подхватывается остальными, то бывает обидно. Но все равно я расцениваю такие спектакли, как какую-то дорогу. Я иду по ней вместе со своими персонажами, и это, несомненно, мне что-то приносит.

– Они оказывают на вас какое-то влияние?

– Конечно. Я ведь себя раскапываю и обогащаю размышлениями.

– Вам не казалось странным, что Лев Абрамович выбрал на роль Серебрякова именно вас? Вы – молодой, здоровый, красивый, подтянутый мужчина...

– А кто сказал, что Серебряков – старик? О его возрасте у Чехова нигде не сказано. Мне недавно исполнилось 50, и при каком-то ином раскладе своей жизни, я вполне мог быть в этом возрасте профессором. Потом я не очень понимаю, как это можно всю жизнь заниматься чем-либо, серьезно заниматься, что окажется, как говорит Войнич-кий, бредом и морочеством?!

– Ксения Раппопорт как-то сказала, что она каждый раз выходит на сцену в «Дяде Ване», чтобы оправдать свою Елену Андреевну. Вы тоже стараетесь оправдать своего Серебрякова?

– Нет, я не считаю, что его нужно оправдывать. Потому что его формула жизни: «Дело надо делать!» – мне близка. Обычно ее актеры произносили, как какую-то ироническую присказку. А для него – это позиция! А если говорить о его отношениях с женой, то и здесь я его понимаю. Он, как и я, вовсе не собирается отдавать кому-то то, что ему принадлежит. Поэтому он и борется за эту женщину, и не может ее отдать никому. И чего его тут оправдывать?!

– Все ваши герои – люди сильные. В том числе и Лебядкин – по-своему. Это у них от вас?

– Не знаю, может быть, они и производят впечатление сильных, но я не считаю себя сильным человеком. Упрямый – да! Я требователен к себе, к тем, кто со мной работает, к тем, кого я люблю, кого я родил. Это, наверное, правильно. Потому что всякая любовь требовательна. Так же – и мои герои. Сила ли это? Не знаю... Может быть, совокупность жизненных позиций.

– Вы обладаете способностью концентрировать на себе внимание зрителей. Это – актерская техника или особенность вашей натуры?

– Думаю, что это присутствует у любого актера, когда он знает, про что рассказывает. Как говорил мой учитель Аркадий Иосифович Кацман: «Что из сердца выходит, то в сердце и попадает». Вот такая простая схема... Думаю, что от этого и возникает внимание людей: когда рассказывают о том, что важно для человека. А если это важно для кого-то, то и для другого – не особенно чуждо.

– Вы сейчас говорили о Серебрякове и моментально в него превратились даже внешне. Это поразительно! Это происходит без вашего участия: достаточно только представить его себе, и вы становитесь им?

– Достаточно подумать по-серебряковски. И что-то происходит. Но, повторяю, это ведь и я тоже. Я ведь отстаиваю в жизни то, что считаю важным и нужным. И ощущаю жизнь по-своему. Мне 50 лет, силы уже другие, организм не тот. Раньше мог запросто сыграть ту же «Пляску смерти» пять раз подряд. Сейчас два раза – и уже тяжело. Чем это не серебряковская история?! Может быть, это связано не только с возрастом, но и со способностью больше вкладываться в историю, которую ты рассказываешь. А это влечет за собой гораздо большие затраты.

– Вспомним историю. Вы не сразу после института пришли в театр. Почему?

– Потому что уехал в Томск на полгода. А потом Лев Абрамович позвал меня на абрамовский «Дом».

– А в институт почему не сразу после школы поступили?

– После школы работал в геологической партии. Поступал в Горный, но не поступил. Понял, что партия – это мое, а «камеральная» работа – нет. Потом была армия, завод. У меня – четвертый разряд токаря и слесаря-сборщика. Я много чего умею...

– То есть, вы пришли в институт к Додину уже сформировавшимся человеком?

– Нет, не думаю, что я был сформировавшимся. Наоборот, если бы не театральный институт, не Лев Абрамович Додин и не Аркадий Иосифович Кацман, то неизвестно, что со мной произошло бы. Я иногда пытаюсь рисовать

Экран и сцена